

М. М. КУШНИКОВА

Искры
живой
памяти

ОЧЕРКИ

Кемеровское
книжное издательство
1987

левизионный экран мертв, и, не взаимодействуя со зрителем, умиротворенно вещает, добросовестно заполняя эфирное время.

Однажды так вот и «подарил» нам Захаров серию «Достоевский в Сибири»...

В Новокузнецке готовились к открытию литературного музея Достоевского в доме, где с 1855 по 1857 год жила Мария Дмитриевна Исаева, будущая супруга великого писателя, и куда Достоевский несколько раз приезжал, чтобы повидаться и наконец обвенчаться со своей избранницей. И в ряде телепередач мы рассказывали о «грозном чувстве» писателя и о судьбе кузнецкого дома, этим чувством осиянного. Захаров работал над темой Достоевского давно. «Помнить о «слезе младенца», ценой которой нельзя оплачивать счастье, — вот основа гармонии!» — говорит Захаров, страстный почитатель Достоевского. И вот — купол тяжелого лба, сумрачный и скорбный взор вглядывался в нас, разглядывая то, о чем сам не всегда захочешь вспомнить. Это — «Достоевский-мыслитель». И несколько листов — «Записки из мертвого дома». Загнанный, одинокий человек у казематной стены. В размышлении о насилии над добром, о поругании красоты...

Однажды мы встретились с Захаровым на улице. Стояла ранняя осень. Полыхали багрянцем и золотились еще не вырубленные в ту пору клены и рябины. «Хочу написать Исаеву!» — заявил художник. Не замечая тихонько моросящего дождя, мы говорили о кузнецких днях Достоевского, о нем и Исаевой, как о близко знакомых людях, драматической судьбе которых мы сочувствуем, пытаюсь понять их, и, увлекшись, даже пытаюсь советовать — как бы им стоило поступить в их обстоятельствах...

Вскоре пришел Захаров к нам: «Поговорим об Исаевой?» К тому времени уже появились некоторые соображения о незаслуженной малозамеченности Исаевой в творчестве Достоевского, о возможных причинах угасания «грозного чувства», так невольно после «кузнецкого праздника».

Пока я искала еще не опубликованную в ту пору фотографию Исаевой, Захаров что-то чертил и даже что-то про себя приговаривал. Протянул рисунок — в кандалах, сжатые в кулак, грозящие, но и молящие руки. Так отложился в видении художника разговор о «грозном чувстве», связавшем скванных нищетой и бесправием, окруженных невежественной обывательщиной двух «униженных и оскорбленных».

В 1982 году появился «Двойной портрет» Достоевского и Исаевой, предназначенный для Новокузнецкого музея Достоевского, где портрет сейчас и находится. Чета Достоевских встречает посетителей в том, пожалуй, единственном доме, где чувству сопутствовало счастье. Серия «Записки из мертвого дома» и ряд других листов мудро и рачительно приобретены Кемеровским краеведческим музеем.

«Двойной портрет» глубоко психологичен. Стержень его — соединенные руки Достоевского и Исаевой. Наконец соединенные. Но, может, — пока соединенные. Близко склонились друг к другу лица, но — черта уж пролегла меж ними. Разные, разные горизонты открылись перед вчера еще пылкими влюбленными. Достоевский уже не Исаеву видит — в будущую Настасью Филипповну вглядывается. Катерина Мармеладова вырисовывается вдали, вобрав, растворив в себе Исаеву. Исаеву, стоящую рядом. Тревожен ее лик, изумленному и обреченному взору уже открылись отчуждение и даже забвение, ожидающее ее. Осененная нимбом, подаренным ей художником, она уже за чертой, где начинается творчество писателя, где нет уже места для ее земного счастья. Реквием слышится нам не только по «грозному чувству», но и по недолговечной жизни своенравной и великодушной женщины, которую Достоевский называл «рыцарем».

Как всегда, спеша на суд зрителя, Захаров «приташил» этот портрет в Центральную библиотеку имени Гоголя, с которой так давно дружен. Приташил — это буквально.

Сгибаясь под большим холстом, занявшим чуть не целую стену в служебной комнате библиотеки, шел через весь город! «Зрители» стояли замороженно. В это время в Кемерове гостила поэтесса Лариса Федоровна Федорова, супруга поэта Василия Дмитриевича Федорова, земляка нашего. Она посвятила портрету стихи:

Соединенье рук — как продолжение мук.
Еще жена, но вся уже — потеря.
Прекрасно холотно!
Художника простим —
Не распрямился он еще от груза —
Давно он Достоевским одержим,
Он — мученик и праведник его,
Атлант душевных перегрузок.

Стихи как бы вспыхнули мгновенно, сразу же после встречи с портретом. Но что такое «душевная перегрузка» для художника? Разве это не единственно возможный режим напряжения, без которого не только нет художника — человек жить не сможет! Мыслим ли публицист — а Захарова иначе чем художником-публицистом не назовешь, — мыслим ли публицист, избегающий душевной перегрузки, без которой не связать «Журавлей Хиросимы» со «Словом о полку Игореве», «Колокола Хатыни» с обращенными к нашей совести песнями Владимира Высоцкого — есть и его портреты у Захарова, — куполовидный лоб Достоевского, скорбящего о «слезе младенца», с русской мадонной среди военных руин, глядящей в глаза человечества: опомнитесь, люди!

Личное мнение. Захаров не кончал художественного вуза и потому именуется самодеятельным художником. В основе этого понятия лежит стремление человеческой личности к самостоятельному, никем не стимулированному творчеству. Сам художник говорит об этом так: «Что значит «непрофессиональная живопись»? Живопись — это красота. Для художника — его душа, его любовь. Представьте, если красота и любовь стали бы профессией!»... Как